

УДК 647-1774(470-321.9)

DOI: 10.22378/kio.2022.2.10-39

Хан и родовая знать: Крымское ханство при Сахиб Герая I*

Халил Иналджик

Аннотация. Статья представляет собой перевод с английского работы известного турецкого историка-османиста Х. Иналджика, посвящённой социально-политическим аспектам взаимоотношениям хана и родовой знати и выстраиванию вертикали власти в Крымском ханстве в период правления Сахиб Герая I. На основе обширного комплекса источников автором был проведён детальный анализ особенностей внутренней борьбы за власть в Крымском ханстве, степени вовлечённости и влияния Османской империи с одной стороны и Московии другой, а также роли родовой знати в военно-политической жизни ханства. Весьма подробно представлена иерархическая структура крымской традиционной аристократии.

Ключевые слова: Реммал, Крымское ханство, Сахиб Герая I, беи, карачу, Османская империя, нукуры, Ислам Герая, иерархическая структура, родовая знать.

Для цитирования: *Халил Иналджик.* Хан и родовая знать: Крымское ханство при Сахиб Герая I / пер. с англ. *Наматова М., Сейтхалиловой Л.* // Крымское историческое обозрение. 2022. Т. 9, № 2. С. 10–39. DOI: 10.22378/kio.2022.2.10-39

* Перевод с английского Наматова М.А., Сейтхалиловой Л.С. Данная статья распространяется на условиях открытого доступа по некоммерческой лицензии Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), которая предусматривает некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии корректного цитирования оригинала работы. Цитирование оригинала статьи на английском языке: (Source: Harvard Ukrainian Studies, Vol.3/4, part 1. Eucharisterion: Essays presented to Omeljan Pritsak on his sixtieth birthday by his Colleagues and students (1979–1980), pp.445–466. Published by: Harvard Ukrainian Research Institute).

История Крымского ханства вращалась вокруг правящей родовой элиты. Их постоянные маневры для сохранения власти в ханстве и контроля над его политикой – центральная тема в истории Крыма. Начиная с установления османского сюзеренитета в Северном Причерноморье в 1470-х годах, обе стороны пытались использовать этот новый элемент в своих интересах в последующей борьбе за власть, в то время как правительство Османской империи умело манипулировало соперниками для продвижения собственной политики. Правление Сахиб Герая (Sâhib Girây), описанное в «Târikh-i Sâhib Girây Khan» («Истории хана Сахиб Герая») Реммала Ходжи¹, ярко демонстрирует проявления зарождавшейся внутренней борьбы.

¹ The Encyclopaedia of Islam, second edition Ozalp Gökbilgin [Энциклопедия ислама. Второе издание]; «Quelques sources manuscrites sur l'époque de Sahib Giray Ier, Khan de Crimée (1532–1551)» à Istanbul, Paris, et Leningrad, [Некоторые источники-рукописи по периоду Сахиб Герая, хана Крыма (1532–1551 гг.), в Стамбуле, Париже и Ленинграде]; «Cahiers du monde russe et soviétique», 11 (1970): 462–69, describes two manuscripts of Remmâl's History of Sahib Giray, one in the Bibliothèque nationale (Paris), Supplément turc no. 164, the second in the library of Leningrad University, Oriental manuscripts no. 488 [В «Ведомостях русского и советского мира», 11 (1970 г.) стр. 462–469, описываются две рукописи историка Реммала Сахиб Герая, одна – в Национальной библиотеке (Париж), тюрк. отдел № 164, вторая в библиотеке Ленинградского университета, Восточные рукописи № 488]. Zygmunt Abrahamowicz informed me that there are two more manuscripts in Leningrad which we have not yet had the opportunity to use. (Зигмунд Абрахамович сообщил мне, что имеются еще две рукописи в Ленинграде, которые мы до сих пор не имели возможности использовать). Remmâl indicates that he completed the work at the end of Radjab in the Hidjra year 960 / 13 June – 12 July 1553 [Реммал указывает, что он завершил работу в конце месяца Раджаб по Хиджре 930 года / 13 июня – 12 июля 1553 года]. A critical edition based on all extant manuscripts is a first priority for systematic use of this source, since even a superficial comparison of the two manuscripts of Paris and Leningrad reveals important omissions and the ottomanizing of Tatar words (the latter occurs in the Paris manuscript). [Критическое издание, основанное на всех дошедших до нас рукописях, является первоочередной задачей для систематического использования этого источника, так как даже беглое сравнение двух рукописей, парижской и ленинградской, выявляет важнейшие упущения и отуречивание/османизацию татарских слов (последнее встречается в парижской рукописи)]. Remmal's work was used by *Abd al-Ghaffar, 'Umdat al-Tawârikh, ed. by Necib Asim (Istanbul, 1343 H. / 1924), pp.100–111; and S. Mehmed Rida, Al-Sab' al-Sayyarfiakhbâr al-Mulûkal-Tatar, ed. by A. K. Kazim Beg (Kazan, 1832), pp. 91–94 [Труды Реммала были использованы Абд аль-Гаффаром, *Умдат аль Таварих*, изд. Неджип Асим (Стамбул, 1343 г. по Хиджре / 1924 г.), с. 100–111 и С. Мехмед Рида, *Аль Саб' аль Сайярфихбар аль-Мулакал Татар*, изд. А. К. Казим Бег (Казань, 1832), с. 91–94]; V. D. Smirnov, *Krymskoe xanstvo pod verhovenstvom Otomanskoj porty do naëala XVIII veka*, vol. 1 (St. Petersburg, 1887), pp. 412–422, made use of

Поначалу Сахиб Герай хан с 1532 по 1551 год сумел добиться установления сильного централизованного правления по образцу османских султанов. Впоследствии родовая знать, сдерживаемая и крайне недовольная деспотической властью хана, извлекла выгоду из раскола между османским правительством и ханом и устранила последнего, чтобы восстановить свою гегемонию в государстве в 1551 году. Крымский кризис 1551 года, с другой стороны, стал поворотным моментом в истории Восточной Европы, поскольку Московия, воспользовавшись бездеятельностью крымских сил, предприняла решительный шаг по захвату Казанского ханства в 1552 году.

Написанное, очевидно, лицом, близким к Сахиб Гераю, «*Tarikh-i Sâhib Girây*» («История Сахиб Герая») – произведение необычайной ценности для понимания внутренней структуры и политики власти в Крымском ханстве в этот решающий период его истории. Оно дает нам подробный отчет из первых уст о роковой борьбе между Сахиб Герай ханом, который пытался превратить типичное степное ханство в централизованное автократическое государство по образцу Османской империи, и крымской родовой знатью, которая изо всех сил пыталась сохранить свою власть, поддерживая родоплеменное «феодалное» государственное устройство ханства согласно «Торе или Ясы Чингисхана».

Автором, известным крымчанам как Реммал (что значит «астролог», «геомант»), был Кайсюни-заде Мехмед Нидаи², известный османский эру-

Remmâl, especially for the Ottoman influence on the khanate. Ö. Gökbilgin published the text, *Tarici Çâhib Girây Hân* (Ankara, 1973), on the basis of the Paris (hereafter P) and Leningrad (hereafter L) manuscript. [Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. Т. 1 (Санкт-Петербург, 1887), с. 412–422, использовал труды Реммала, особенно что касается османского влияния на ханство. О. Гёкбилгин издал текст «Тариджи Чахиб Герай хан» (Анкара, 1973), основываясь на Парижской (далее П.) и Ленинградской (далее Л.) рукописях].

² Remmâl is described as Sahib Giray's physician [Реммал известен как врач Сахиб Герая]. Upon the death of Sahib Giray, he entered the service of Sultan Selim II and wrote several medical books for him (see F.E. Karatay, *Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi Türkçe Yazmalar Katalogu*, 2 vols. [Istanbul, 1961], index: Nidaï) [После смерти Сахиб Герая он поступил на службу к султану Селиму II и написал для него несколько книг по медицине (см. Каратай Ф. И. Каталог тюркских рукописей библиотеки музея Дворца Топкапы, 2 тома (Стамбул, 1961), индекс: Нидаи)]. Remmâl Khödja or Kaysüni-zâde Mehmed Nidaï died in AH 966/AD 1568/69. For the family of physicians of Kaysüni-zâde, see M. Tahir, 'Osmanlı Mu'ellifleri, vol. 3 (Istanbul, 1342 H.), pp. 239, 249; and M. Süreyya, *Sidjill-i 'Os.mânî*, vol. 4 (Istanbul, 1893), pp. 107, 312. [Реммал Ходжа или Кайсуни-заде Мехмед Нидаи умер в 966 г. по Хиджре / 1568/69 г. О семье врачей Кайсуни-Заде см. Тахир М. Османли муэллиф-

дит. Он написал историю по просьбе дочери хана Нур-Султан Хани после его трагической смерти в 1551 году. Реммал поступил на службу к Сахиб Гераю в 1532 году, когда тот покидал Стамбул, чтобы принять свое назначение ханом. Он стал личным врачом, астрологом и человеком очень близким к Сахиб Гераю. Хан советовался с ним по всем важным решениям. Он также полагался на него в финансовых вопросах, таких как сбор налогов и выделение взносов крымским улемам. Близость Реммала к Сахиб Гераю способствовала правдивой передаче им взглядов хана и описанию того, что предшествовало принятию последним того или иного решения. Его наблюдения и подробные отчеты о жизни и органах власти в Крыму придают его работе особую важность, поэтому она вызывает такой интерес. Он тщательно использовал местную терминологию в своих описаниях. Несмотря на то, что произведение написано им как оправдание действий своего повелителя, Реммал умело замаскировал между строк и критические замечания. Все эти факты позволяют не сомневаться в достоверности «*Tārīkh-i Sāhib Girāy*» как оценки правления Сахиб Герая³.

Структура крымской традиционной аристократии

В мирном договоре, заключенном между Мехмедом Гираем I (1514–1523) и королем Польши-Литвы⁴, крымская аристократия перечисляется в следующем иерархическом порядке: сам *хан*, его старший сын Бахадур Герарай Султан, другие сыновья хана, *султаны* в положении командиров, *огланы* (другие члены правящей семьи), *беи* (главы четырех основных аристократических родов), *мурзы* (сыновья беев), все *нукеры* (*nököğ*, что означает вассал), служащие хану при дворе и в других местах. В описании Реммала

лери [османские авторы]. Том 3 (Стамбул, 1342 г. по Хиджре), с. 239, 249; и Сурейя М. Сиджилл-и `Османи. Т.4 (Стамбул, 1983), с. 107, 312].

³ Ö. Gökbilgin, 1532–1577 Yılları Arasında Kinim Hanlığının Siyasi Durumu (Ankara, 1973), deals with the political history of Sahib Giray's reign (I cannot agree with him on several points of chronology and interpretation. Our divergences are shown in this paper [Гёкбилгин О. Политическое положение Крымского ханства в 1532–1577 гг. (Анкара, 1973) – освещает политическую историю периода правления Сахиб Герая. Я не согласен с ним по нескольким пунктам хронологии и интерпретации. Наши расхождения показаны в этой работе].

⁴ Published by V.V. Zernov and H. Feydhan, *Materialy dlya istorii Krymskogo xanstva* (St. Petersburg, 1864), doc. 1, pp. 3–5, dated 9 Radjab 926/15 June 1520 [Опубликованные В. В. Зерновым и Х. Фейдханом «Материалы для истории Крымского ханства» (Санкт-Петербург, 1864), док. 1, с. 3–5, датированный 9 числом месяца Раджаб 926 Х. /15 июня 1520 года] The oath on the treaty was sworn collectively: «Ant şart itärmüz» [«Клянемся исполнить условие» или же, вероятно, «Клятвенно подтверждаем». Присяга на договоре была принесена коллективная].

дается та же иерархия: *хан, его сыновья*, четыре *бея*, называемых *карачу*, и *ички бейлери* (*беи*, привлеченные к ханской службе)⁵.

Как и другие монгольские ханства, Крымское ханство опиралось на поддержку четырех знатных родов, называемых *карачу* или *карачи*. Образую своеобразную родовую конфедерацию под руководством *баш-карачу* (главного карачи) ведущего клана – Ширин, четыре рода выступали в качестве главной военной силы в ханстве и оказывали влияние на государственную политику с учетом своих коллективных интересов. Этот тип организации, унаследованный от степных империй (для крымской знати – от

⁵ On the basis of the reports by the Muscovite envoys to the Crimea, V.E. Syroecovskij, «Muxammed-Giraj i ego vassaly», Uçenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 61 (1940): 38–39, points out that the ruling elite in the Crimean Khanate consisted, in hierarchical order, of the sons of the reigning khan, the sayyids, or the descendants of the Prophet who were leaders of the ulema, oghlan, or relatives of the khan, the begs, or leaders of the principal tribes, and the iëki begleri, or begs and servants in the service of the khan [На основании донесений (отчётов) московских посланников в Крым, В.И. Сыроечковский «Мухаммед Герай и его вассалы», Учёные записки Московского государственного университета, 61 (1940), с. 38–39 указывает на иерархический порядок правящей элиты в Крымском ханстве: сыновья правящего хана, *sayyids*, или потомки Пророка, которые были вождями (главами) улемов; а также огланы или родственники хана и *begs* или вожди главных племен; и *iëki begleri*, или беки и слуги на услужении хана]. For an original description of the ruling class in the khanate, see 'Abd al-Ghaffar, 'Umdat al-Tawārikh, especially pp. 193–207. (Что касается достоверного описания правящего класса в ханстве, «См. Абд аль-Гаффар, 'Умдат аль-Таварих. Особенно с. 193–207).

Written in A.H. 1161, this compilation made use of native sources such as ötemish Pädjdji, Tārikh-i Dost Sultan (see Z.V. Togan, Tarihte-Usui [Istanbul, 1969], p. 224), as well as Tārikh-i Çāhib Girāy [В этом сочинении, написанном в 1161 г. по Хиджре, использовались местные источники, такие как Отемиш Хаджи, Tarikh-i Dost Sultan (См.: Тоган З.В. *Tarihte-Usui*. Стамбул, 1969 г. С. 224, а также «Tārikh-i Çāhib Girāy»)]. 'Abd al-Ghaffar was himself a member of the ruling class and served under the Shirins [Абд аль-Гаффар сам был представителем правящего сословия и служил Ширинам]. This important work has not attracted the attention of modern scholars [Эта важная работа не привлекла внимание современных учёных]. The most recent work on the history of the khanate, A. Bennigsen, P.N. Boratav, D. Desai, and C. Lemercier-Quelquejey, Le Khanat de Crimée dans les archives du Musée du Palais de Topkapı (Paris and The Hague, 1978), does not even include it in the bibliography. A new edition of this important source on the Crimea is needed, since that by N. Asim is very unsatisfactory [Она не включена в библиографию даже самой последней работы по истории ханства Беннингсен А., Боратова П.Н., Десаи Д. и Лемерсье-Кельеже С. *Крымское ханство из архивов Музея Дворца Топкапы* (Париж и Гаага, 1978 г.). Необходима новая редакция этого важного источника по Крыму, поскольку вышедшая под редакцией Н. Асима крайне недостоверная].

«Ясы Чингисхана») и почитаемый как священный и неизменный по своему характеру, считался основой ханства.

Согласно Реммалю, порядок старшинства родов *карачу* предстает в следующем виде: Ширины, Барыны, Аргыны (кыпчаки), Мангыты⁶. Как мы сами увидим, первая половина XVI столетия стала временем ожесточенной борьбы за первенство и власть среди родовой аристократии в ханстве. Традиционно, количество войск, выставленных Ширинами на поле боя, составляло 20000 человек. Однако в 1543 году, во время второй черкесской кампании, когда присутствовала только отборная группа родового войска, силы Ширин насчитывали всего 5000 человек, Аргыны и Кыпчаки – 3000, а Мангыты – 2000, то есть в общей сложности 10000. Я считаю, что это было фактическое ядро армии крымской родовой знати⁷.

Карачу командовали основными силами объединенных войск в ханстве и были его основными политиками. Их лидеры, карачи-беи, присутствовали на заседаниях государственного совета (*körünish* или *körünüş*), чтобы обсуждать и решать важные вопросы с ханом⁸. В случае несогласия

⁶ Rida, Al-Sab' al-Sayyār, pp. 92–93, gives the four karacu as the Shirin, the Bann, the Arghin, and the &ipéak. S. von Herberstein, Notes upon Russia, vol. 2, trans. by R.H. Major (London, 1852), p. 81, gives the same names: «Schirmi, Barni, Gargni, and Tziptzan»; also see Сыроечковский, «Мухаммед-Гирай», pp. 28–34, for the Manghit [Рида. Аль-Саб' аль Саяяр. С. 92–93, указывает на четверых карачи, таких как Ширин, Барын, Аргын и Кирџак. Герберштейн фон С. Заметки о России. Том 2, в переводе Р. Н. Major (Лондон, 1852), даёт те же имена: Ширины, Барыны, Аргыны и Кипчаки; см. также Сыроечковского «Мухаммед Герай», с. 28–34, о Мангытах].

⁷ Cf. L.J.D. Collins, «The Military Organization and Tactics of the Crimean Tatars, 16th–17th Centuries», in War, Technology, and Society in the Middle East, ed. by V. J. Parry and M. E. Yapp (London, 1975), p. 260.

[См. работу L.J. D. Collins. Военная организация и тактика крымских татар в XVI–XVII веках» в сборнике «Война, технология и общество на Ближнем Востоке» под ред. В. Дж. Пэрри и М. И. Япп (Лондон, 1975), с. 260].

⁸ In 1744 'Abd al-Ghaffar ('Umdat al-Tawârikh, p. 193) made the following observation [В 1744 году `Абд аль-Гаффар (Умдат аль-Таварих, с. 193) сделал следующее заключение]: «Let it be known that the meeting of the state council and all the important state affairs in the Crimean Khanate is placed absolutely in the hands of the four begs who are as pillars of the state. It is a law not to undertake any important matter without their vote and consent [«Да будет вам известно, что все совещания государственного совета и все важные государственные дела в Крымском ханстве полностью находятся в руках четырёх беев (begs), которые выступают столпами государства]. The first of these four begs is the beg of the Shirins, the second that of Mansür-oghlu, the third that of the Barin, the fourth that of the Sidjivut [Первый из четырёх беев – это бей из Ширинов, второй – Мансур оглу, третий – Барын и четвёртый – Сидживут]. They are called in Tatar language the four Karacis [По-татарски их называют четыре карачи]». Husayn (Hiiseyin) Hezârfen, «Talkhîs al-Bayân

по какому-либо вопросу с позицией хана бей воздерживался от участия в таких собраниях. Хан оказался полностью бессильным, когда карачу-беи коллективно покинули его, в знак протеста перебросив свои силы в священное место, называемое Кайалар-Алты, где на скале были выбиты тамги или печати знатных родов Крыма.

Верность и поддержка карачи-беев были чрезвычайно важны для хана, потому как это позволяло ему оставаться на троне и укреплять свою власть в ханстве. Как мы вскоре увидим, в 1551 году Сахиб Герай был совершенно неспособен оказать какое-либо сопротивление, когда знать перешла на сторону Девлета (Давлата) Герая.

Становится очевидным, что сам хан избирался представителями родовой знати⁹. В тюркских и монгольских государствах евразийских степей высшей властью наделялся правящий дом (Алтан-Уруг, небесного проис-

fi [^]awānl-n-i Āl-i 'Osman» (manuscript, Bibliothèque nationale [Paris], no. 40, fol. 106b), written in 1699, gave the order as the Shirin, the Ann (Arghin), the Bann, or Sidjivut, and the Mankit [манускрипт, написанный в 1699 г., представляет следующий порядок: Ширин, Энн (Аргын), Барын (или Сидживут) и Мангыт]. He added the note that the khan gives his daughters in marriage only to these begs or to their sons [Он также добавил примечание, что хан выдаёт замуж своих дочерей только за этих беев или их сыновей]. In *The Secret History of the Mongols*, translated into Turkish by Ahmet Temir, *Mogollann Gizli Tarihi* (Ankara, 1948), p. 8, *kharacu* meant «commoners» or «those outside the royal household» [«В секретной истории Монголов», переведённой Ахмед Темиром (Ahmet Temir), (Анкара, 1948 г.), на с. 8 «*карачи*» означает «простолюдины» или «те, кто не входят в королевский дом»]. «The phrase *haracu bo'ol* (ibid., p. 129) apparently corresponds to the Turkish-Ottoman expression *khāss nōker*, or comrade attached to the person of the leader (for *nōker* or *nōkōr*, see below) [«Фраза «*haracu bo'ol*» (там же, с. 129), очевидно, соответствует тюрко-османскому выражению *khāss nōker* или «человек, находящийся при лидере»]. For the sacred number four with the Turks and Mongols, see Z.V. Togan, *Umumi Turk Tarihinin Girisi*, 2nd ed. (Istanbul, 1970), pp. 108, 114; idem, *Ibn Faktion's Reisebericht* (Leipzig, 1939), excursus nos. 94 and 100a [О сакральном числе четыре у тюрков и монголов, см. Тоган З. В. «Введение в общую историю тюрков» (издание второе, Стамбул, 1970 г.) С. 108, 114.

⁹ Martin Bronievski, *Russia seu Moscovia itemque Tartaria* (Leiden, 1630) [Броневский Мартин. Россия или Московия, а также Тартария. Лейден, 1630]; Turkish translation by Kemal Ortayh, Kinn (Ankara, 1970), p. 42 [Перевод на турецкий Кемала Ортайх, Кинн (Анкара, 1970 г.). С. 42]. Syroecovskij, «Mухammed-Giraj», p. 39. For the election of a kan by the Kazak clans, see W. Radloff, *Aus Sibirien Lose Blätter aus meinem Tagebuche*, 2 vols. (Leipzig, 1893), trans. by A. Ternir, *Sibirya'dan*, vol. 1 (Ankara, 1954), p. 527 [О выборе хана казацкими родами см. Радлов В. Из путевых записок по Сибири. В 2 томах. Лейпциг, 1893, пер. выполнен А. Тернир. *Из Сибири*. Т. 1 (Анкара, 1954 г.). С.527.

хождения)¹⁰ или, в частности, хан из этого династического дома всегда воспринимался наделенным властью согласно божественной воле, причем никакие людские договоренности не могли этого изменить¹¹.

Однако, на самом деле *улуг-бей* или *карачи-бей* по согласованию с другими лидерами родовой конфедерации определяли, кто станет ханом. Похоже, что даже при османском сюзеренитете крымская родовая конфедерация пыталась продолжить эту практику. Тайное письмо, отправленное Саадету (Саадет) Гераю в Стамбул¹² незадолго до смещения Мехмеда Герая I, демонстрирует, как лидеры родов, по сути, выбрали нового хана.

В нем лидер родовой знати, которым, по всей видимости, был Бахтияр бей из Ширинов, заверил Саадета Герая, что главные беи, мурзы и огланы согласились сделать его своим ханом, и «все они объединились с этой целью и поклялись умереть за него».

Объединенные общими интересами преимущественно родового общества, четыре «правящих» рода в Крыму действовали как объединенная группа в противовес хану, который, в свою очередь, представлял государственную структуру, основой которой была все та же родовая организация.

Борьба между ханом и главой родовой знати – с давних времен – извечная тема для евразийского скотоводческого кочевого общества. Особый характер этого социально-политического образования определяется по-разному, как «феодальный» (Владимирцов), так и «корпоративный» (Кредер), который предполагал опасный характер выстроившейся государ-

¹⁰ See O. Pritsak, «Die sogenannte Bulgarische hurstenliste und die Sprache der Protobulgaren», *Ural-Altäische Jahrbücher* 26, nos. 3/4 (1954): 217–220; (См. Притцак О. «Так называемый болгарский список Херстена и язык протоболгар» в *Урало-Алтайском ежегоднике* 26, №3/4 (1954 г.); 21 7–20); Togan, Ibn Fadlān, excursus nos. 99a and 100a.

¹¹ See H. Inalcik, «Osmanlılarda Saltanat Verâseti Usûlii ve Türk Hakimiyet Telâkîsile İlgisi», *Siyasal Bilgiler Fakültesi Derigisi* 14:69–94. [См. Иналджик Х. «Метод процедуры наследования и турецкого суверенитета в Османской империи» в журнале факультета политических наук (14:69–94)]. Aghish Beg wrote to Vassilii III that since God predestined that Mehmed Giray be khan, four Karaci made him khan (in Syroecokovskij, «Muxammed Giraj», p. 39) [Агыш бей писал Василию III, что поскольку Всевышний предопределил Мехмед Гераю быть ханом, четверо карачи избрали его ханом (у Сыроечковского в работе «Мухаммед Герай», с. 39)].

¹² Bennigsen et al., *Le Khanat de Crimée*, pp. 106–110 [Беннингсен и др. Крымское ханство. С. 106–110]; compare this letter with that of Eminek Mirza, *ibid.*, doc. E 669/11, pp. 70–75 [Сравните это письмо с письмом Эминек мурзы, там же, док. E 669/11, с. 70–75].

ственной структуры, которая возникла как следствие преобладающего положения родовой знати¹³.

В этой статье я пытаюсь показать, как институт нукерства (*nököğ*), имевший место в крымском обществе, был основным социальным фактором, часто преобладавшим над внутривидовыми (родственными) связями и придававшим степному скотоводческому обществу его «феодальный» характер. В Крыму главой союза родов был бей из Ширинов, сильнейшего рода в ханстве, территория которого простиралась от Карасу до Керчи, граничила с Каффой (Кефе), являвшейся османским санджаком.

Дабы заручиться поддержкой потомков Ширинов, крымские ханы устанавливали с ними родственные связи, выдавая за них своих дочерей. Во время правления Сахиб Герая главой рода Ширинов был Баба (Бабай), сын Мамиша (Мемеша) и дочери Мехмеда Герая I. Реммал описывает его как наиболее авторитетную фигуру среди беев. В трудные моменты Сахиб Герай всегда обращался к Бабе, который вместе со своими братьями и другими родственниками – Шикмамаем, Акмамаем, Кара-Мурзой, Кутлу-Саатом и Кай-Пулат Мурзой – контролировал более крупные военные силы в ханстве. Как известно, сотрудничество Ширинов с османами имело решающее значение для подчинения Крымского ханства Османской империи в 1475 году, и в дальнейшем оно, как правило, было определяющим фактором в престолонаследовании крымских ханов¹⁴.

¹³ W. Radloff, *Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bâlasagun*, pt. 1: *Der Text in Transscription* (St. Petersburg, 1891), pp. li-ivi [Радлов В. «Кутаду билиг» Юсуфа Хас-Хаджиба Баласагуни. Ч. 1: Текст в транскрипции (Санкт-Петербург, 1891 г.)]; Togan, *Ibn Fadlân*, pp. 291–292, 295–301 [Тоган. Ибн Фадлан. С. 291–292, 295–301]; B. Ja. Vladimircov, *Le régime social des Mongols*, trans. by M. Carsow (Paris, 1948) [Владимирцов В. Я. Социальный строй у монголов. Пер. М. Карсова, (Париж, 1948 г.)]; L. Kräder, *Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads* (The Hague, 1963), pp. 326–335 [Крадер Л. Социальная организация монголо-тюркских кочевых скотоводов (Гаага, 1963 г.), С. 326–335; *idem*, «Feudalism and the Tatar Polity of the Middle Ages», *Comparative Studies in Society and History*, pp. 76–99. [Он же. Феодализм в татарской политике средневековья // Сравнительные исследования общества и истории. С. 76–99]. Sümer F. Oğuzlar (Ankara, 1967), p. 387, found that in Turkmen states, the Begler-begi, not the khan, wielded the real political power [Шумер Ф. Огузы. Анкара, 1967 г., С. 387, установил, что в туркменских государствах реальной политической властью обладал Беглер-беки, а не хан).

¹⁴ See H. Inalcik, «Yeni vesikalara göre Kirim Hanliginin Osmanli tâbiligine girmesi ve ahidnâme meselesi», *Belleten* 8: 185–229. [См. Иналджик Х. Что касается новых документов о вхождении Крымского ханства в османское подданство и вопрос ахиднаме». Бюллетень 8. С. 185–229.

Тем не менее, когда их собственный авторитет и интересы были на кону, в частности, когда предлагаемая кампания не обещала больших трофеев или рабов, Ширины без колебаний поддерживали претендентов или ханов, которые выступали против османов. Эти обстоятельства делали политику Крыма крайне сложной. В 1538 году крымские беи с энтузиазмом участвовали под руководством Сахиб Герая в османском походе на Молдавию (Кара-Богдан), надеясь на богатую добычу. Однако хан, следуя совету османов, запретил обращение в рабство молдаван во время похода, так как изначально они были подданными (*зимми*)¹⁵ турецкого султана. Крымцы утверждали, что многие из них влезли в долги, снаряжая себя для участия в кампании и ожидая богатую добычу¹⁶.

После этого хан приказал совершать завоевательные набеги с угоном исключительно скота, но не рабов. С другой стороны, когда в 1547 году Сулейман I (1520–1566) призвал крымцев к участию в походе на Иран, Сахиб Герай, действуя как представитель крымских беев, потребовал выплату пяти тысяч акче или 83 золотых дукатов за каждого крымского воина, задействованного для участия в этой далекой кампании в мусульманской стране.

Он утверждал, что им не платили, как османским солдатам, а средства к существованию полностью зависели от размера добычи. В конце концов крымцы не приняли участия в иранском походе, который должен был стать одной из главных причин раскола между ханом и османами. По сообщению Реммала, крымская родовая элита включала – наряду с четырьмя карачу-бейями – *огланов* или *оглан-кийун беков*, членов династии Чингисидов, которые, по-видимому, командовали своими собственными независимыми силами, как и карачи-беи. Организованные в рамках собственной строгой иерархии, огланы, по-видимому, играли свою немаловажную роль в процессе избрания хана¹⁷.

¹⁵ Зимми (араб. ذمى, собирательно *أهل الذمة* ахль аль-зимма, буквально «люди договора», тур. zimmi) — собирательное название немусульманского населения (в основном тех, кто исповедовал христианство, иудаизм, зороастризм и проч.) на территории государств, созданных или завоеванных мусульманами и живших по законам шариата.

¹⁶ For those impoverished Crimeans who borrowed money to participate in the booty raids, also see the translation of Bronievsky by Ortayh, Kinn, p. 52; cf. Collins, «Military Organization», p. 259 [О тех обедневших крымцах, которые занимали деньги для участия в грабительских походах, см. также перевод Броневского, выполненный Ortayh Kinn, С. 52; см. Коллинз. Военная организация. С. 259].

¹⁷ See the letter to Saadet Giray in Bennigsen et al., *Le Khanat de Crimée*, pp. 106–110. There two oghlans, Abdullah and Mamish, are mentioned as agreeing to Saadet Giray's khanship [См. письмо Саадет Гераю в: Беннигсен и др. Крымское ханство.

Во внутренней структуре родовых объединений под управлением беев следует проводить различие между *нукерами* (или *эмелдешами*) и обычными рядовыми. *Нукеры* (Nökör) или *эмелдеш* (буквально «товарищи»), иногда с приставкой *khāssa* или *sirdash* («лично привязанный» или «близкий товарищ»), составляли группу преданных воинов или телохранителей, которые всегда сопровождали своего господина, бея или хана, и были готовы на любую жертву ради него¹⁸. В одном из отрывков Реммал описал нукеров карачу как «слуг, которые никогда не покидали порога своего бея».

C. 106–110. Там упоминаются два оглана, Абдуллах и Мамиш, согласившиеся на ханство Саадет Герая].

¹⁸ For the word *nökör* or *nökür*, see J. Németh, «Wanderungen des mongolischen Wortes Nökür, Genosse», *Acta Orientalia* (Budapest), 3 (1953): 1–23; G. Doerfer, *Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen*, vol. 1 (Wiesbaden, 1963), pp. 521–26; Vladimircov, *Le régime social*, pt. 1, chap. 3, showed for the first time how *nökör*ship became a lever for Genghis Khan's creation of the army-state framework over the Mongol tribal society. Genghis Khan put the newly formed military units under his *nökörs*, thus bringing about a new feudal hierarchy dependent directly on his own will. *Nökör*ship appears to have been the basic institution in the steppe for explaining not only the emergence of warbands around leaders and ultimately nomadic empires, but also the cause of internal fragmentation and struggle. Cf. E.L. Keenan, «Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy», *Slavic Review*, 26 (1967): 552. Radloff, *Das Kudatku Bilik*, explains this fragmentation under new leaders by the natural demographic growth within the tribe itself. *Kazak cikmak* was just the expression of this flight into the steppes of the leader, either the Genghiskhanid prince or a clan chief with his *nökörs*. Usually, the sons of a deceased leader became *kazak* with his *nökörs*. Leadership and success depended on the leader's personal valor and boldness, his skill in mustering the *Us* (tribes) under his command, but above all on the loyalty of his *nökörs*. In *Abd al-Ghaffār's 'Umdat al-Tawārikh, pp. 46–47, there is an interesting story about how Rektimiir, the beg of the Shirins, became a *nökör* to Toktamish and his descendants. Remembering that his ancestors were *nökörs* of Toktamish's forefathers, he rescued him from a dangerous situation and agreed to become his *nökör*. He swore to serve him faithfully until death. Then, the four Karacu tribes – the Shirins, Banns, Arghins, and Kipcaks – also agreed to become Toktamish's *nökörs* Çumdat al-Tawārikh, p. 48). Thus, through their support, Toktamish became the khan of the Golden Horde and gave his daughter to Rektimiir's son Tekine (ibid., pp. 48–55). Among the Turkmens the same institution was sometimes called *yoldash* (Siimer, *Oguzlar*, pp. 391–92). For the importance of *nökör*ship in state formation among the Turkmens, see J.E. Woods, *The Aqquyunlu* (Minneapolis and Chicago, 1975), pp. 8–12; 46–54, fn. 17; 230. A Caferoglu, «Turk Tarihinde Nöker», in IV T. T. Kongresi (Ankara, 1952), pp. 251–61. *Nökör*ship is obviously connected with the ancient Turco-Mongol institution of *and/ant*, *antah* or *andik*' see Abdülkadir Inan, «Eski Tiirklerde ve Folklorunda 'Ant'», *DU ve Tarih Ceografya Fakültesi Dergisi* (Ankara), vol. 6, no. 4 (1948).

В большинстве случаев эти нукеры происходили из татарских родов, которые попали в зависимость или были порабощены могущественным правителем. В 1546 году Сахиб Герей обратился к пленным женам астраханских беев, что, если их мужья подчинятся и станут его нукерами, он каждого наградит землей.

Глава, всегда из беев либо кто-то из Чингисидов, сохранял верных ему нукеров даже в случае поражения. Уходя в степи (татары называли это явление *казак чыкмак*) он мог дожидаться подходящего момента, чтобы одолеть своих соперников и вернуть себе власть. Процесс, называемый *казак*

[О слове *nökör* или *nökür*, см. Németh J. Миграция монгольского слова *Nökür* в генуэзский. Акта Ориенталия. Будапешт, 3, 1953. С. 1–23; Дёрфер Г. Турецкий и монгольский элементы в новоперсидском языке. Т. 1. Висбаден, 1963 г. С. 521–526; Владимирцов. Социальный режим. Ч. 1. Глава 3, впервые показывает, как нукерство стало рычагом для создания Чингисханом армейско-государственного аппарата над монгольским племенным обществом. Чингисхан поставил новообразованные воинские части над своими нукерами, и, таким образом, новая феодальная иерархия оказалась в прямой зависимости от его собственной воли. Нукерство, по-видимому, оказалось основным институтом в степи, объясняющим не только появление военизированных отрядов вокруг лидеров и, в конечном счёте, кочевых империй, но также и причину внутренней раздробленности в борьбе. См. Кинан И.Л. Московия и Казань: несколько вступительных замечаний по схеме степной дипломатии (Славянское обозрение. 26. 1967. С. 552). Радлов. *Кудатку Билик* объясняет раздробленность при новых вождях естественным демографическим ростом внутри самого племени. Казак чыкмак было просто бегством в степь вождя или чингисханидского бая, или вождя рода со своими нукерами. Обычно сыновья покойного вождя становились *kazak* со своими нукерами. Лидерство и успех зависели от личной доблести и смелости вождя, его умения собрать под своим командованием Ус (племени), но прежде всего от лояльности его нукеров. У Абд аль-Гаффара в «Умдат аль-Таварих» (С. 46–47) есть интересный рассказ о том как Ректемир, бей Ширинов, стал нукером у Тохтамыша и его потомков. Помня, что его предки были нукерами предков Тохтамыша, он спас его в опасной ситуации и согласился стать его нукером. Он поклялся служить ему преданно до самой смерти. Затем, следуют четыре племени карачи – Ширины, Барыны (Banns), Аргыны и Кыпчаки – они также согласились стать нукерами, *Çumdat al-Tawārikh*, С.48. Таким образом, с их помощью Тохтамыш стал ханом Золотой Орды и выдал свою дочь замуж за сына Ректемира Текине (*там же*, С. 48–55). У туркмен такой же институт назывался иногда *ёлдаш* (yoldash) (Siimer, Oguzlar (огузы) С. 391–392). О важности нукерства в формировании государства у туркмен, см. J.E. Woods, Аккуюнлу (Миннеаполис и Чикаго, 1975 г.), С. 8–12; 46–54, fn. 17; 230. Кафероглы «Нукер в истории Турции» в IV ТТ Конгрессе (Анкара, 1952 г.), С. 251–261. Нукерство, очевидно, связано с древним турко-монгольским институтом *and/ant*, *antah* или *andik*, см.: Абдулкадир Инан. «Ант» в древнетюркском и фольклоре. DU и журнал историко-географического факультета. Анкара, 1948 г. Т. 3. № 4].

чыкмак, по всей видимости, был реально эффективным в бесконечной борьбе за власть и формирование государства в тюрко-монгольском кочевом обществе¹⁹. На самом деле, сами Чингисиды вместе со своими нукерами активно участвовали в такого рода борьбе за власть в период распада Золотой Орды (1359–1502).

Письмо, которое, по-видимому, было написано баш-карачу турецкому султану в 1533 году, говорит о длительном периоде внутренней борьбы в Крыму после убийства ногаями Мехмеда Герая I в 1523 году²⁰. Согласно этому письму, извечная борьба завершилась уничтожением всех старых беев и мурз Крыма, а также прекращением набегов на христианские земли, которые, как утверждалось в письме, были основным источником процветания крымцев.

В ответ на просьбу султана о компромиссе между Сахиб Герай ханом и Ислам Гераем, который мог бы восстановить мир и единство в стране, автор письма пожаловался, что компромисс был невозможен, поскольку Сахиб Герай не последовал его совету и отстранил от себя главных смутьянов, таких как Шафа Герай, Селимшах Бей и «Тахильдай Мурза, убивший Юнуса, бея из рода Ширинов». Он также сообщил, что Сахиб Гирай, вопреки обычаям ханства и «их вековой *торе*», вербовал *тюфекчи* (*tüfekçi*), или мушкетеров, из числа «народной черни».

Из этого письма становится очевидно, что карачу-бей считал себя верховным представителем от лица знати в ханстве. Его видение истинного порядка заключалось в неукоснительном следовании вековым традициям ханства, чтобы таким образом можно было организовать набеги в христианские страны и вернуть процветание за счет захвата большого числа рабов.

¹⁹ Kazak-Tatar leaders with their sizable *nökör* retinues often sought refuge and served as mercenaries under the rulers of Lithuania and Muscovy [Вожди казачествующих татар со своей значительной свитой часто искали убежища и служили наемниками при правителях Литвы и Московии].

G. Stökl, «Die Entstehung des Kossakentums», Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes (Munich), vol. 3 (1953), studied their part in the rise of Slavic Cossacks. Also see W. H. McNeill, *Europe's Steppe Frontier, 1500–1800* (Chicago and London, 1964), pp. 111–123. [Стокл Г. Возникновение казачества. Публикации Института Восточной Европы. Мюнхен, т. 3, 1953 г., изучила их участие в подъеме славянского казачества. Также см. Mc. Neill W.H. *Степной рубеж Европы, 1500–1800*. Чикаго и Лондон, 1964 г. С. 111–123].

²⁰ Bennigsen et al., *Le Khanat de Crimée*, pp. 121–25. The translation of the document is not always reliable: in lines 8 and 9, the subject is not the begs, but the khan. [Беннигсен и др. Крымское ханство. С. 121–125. Перевод документа не во всех случаях точен: в строках 8 и 9 речь идет не о бегах, а о хане].

Автор письма просил султана «от имени всех крымцев» прислать нового хана для установления мира и порядка в стране. Для того, чтобы осознать истинные предпосылки этой длительной борьбы в ханстве, нам следует обратиться к правлению Саадета Герая (1524–1532). За убийством Мехмеда Герая I в 1523 году последовал разгром объединенного войска крымцев и разрушительное вторжение ногаев в Крым²¹.

В отчаянии крымцы обратились за помощью к султану. Он отправил в Крым ханом Саадет Герая в сопровождении 500 янычар с огнестрельным оружием и пообещал ему полную защиту Оттоманской Порты. Проосмански настроенная знать во главе с Бахтияр беєм из рода Ширинов рассчитывала закрепить за собой власть, поддерживая Саадета Герая²².

Следует отметить, что эта проосманская группа была в то же время и промосковской и не поддерживала стремлений убитого Мехмеда Герая возродить Золотоордынскую империю под управлением Гераев. Бахтияр, непримиримый противник Мехмеда Герая I, который передал должность баш-карачу Мамишу, долгое время находился в контакте со Стамбулом, чтобы привезти в Крым Химмет Герая в качестве хана и Саадет Герая в качестве калги.

В 1524 году Бахтияр приветствовал ставленника султана Саадета Герая ханом. Когда попытка Саадет Герая утвердить свою абсолютную власть в ханстве привела к открытой войне против могущественного Мамиша, Бахтияр встал на сторону нового хана. Таким образом, борьба осложнилась противостоянием за власть среди самих Ширинов, вызвавшим раскол внутри этого сильнейшего крымского рода. Бахтияр стал баш-карачу, потеснив Мамиша. Мамиш и другие лидеры Ширинов были казнены при попытке организовать заговор против хана в 1528 году. Основная политика Саадета Герая, однако, неизбежно привела к расколу между новым баш-карачу и ханом. Обвинив Бахтияра и его брата Эвлия Мурзу в организации покушения на его жизнь, Саадет Герай в окружении своих османских мушкетеров прибыл в Кырк-Ер, родовой центр Ширинов, и убил заговорщиков и их детей²³.

Главенство у Ширинов теперь перешло к Токузаку (в русских документах Тузак?) мурзе и к Юнусу калга, что привело к дальнейшему расколу внутри рода²⁴. Приведенная ниже генеалогическая таблица дает пред-

²¹ Syroecovskij, «Muxammed-Giraj», p. 57. Syroecovskij, p. 58 [Сыроечковский, Мухаммед Герай. С. 57, Сыроечковский, С. 58].

²² Syroecovskij, p. 58 [Сыроечковский. С. 58].

²³ Syroecovskij, «Muxammed-Giraj», pp. 58–59 [Сыроечковский. Мухаммед Герай. С. 58–59].

²⁴ For this period of internal struggle, our principal source is the information supplied by the reports of the Muscovite envoys, summarized in Syroecovskij, «Mux-

ставление о борьбе за престолонаследие между мурзами Ширинов, (римские цифры указывают порядок наследования, а арабские цифры – число лет обладания титулом бея, согласно Абд аль-Гаффару)²⁵.

Как и в случае с тюркскими и монгольскими родами в целом, право старшинства²⁶ было основным обычным правилом лидерства среди Ши-

ammed-Giraj» 'Abd al-Ghaffar, 'Umdat al-Tawārikh, pp. 195–96, helps to clarify genealogical problems. Remmāl (P, 7b) tells us succinctly that «The Crimean begs were divided into two camps, between Islam Giray and the khan. Watching each other, they came to clashes three times».

[По этому периоду внутренней борьбы нашим главным источником являются сведения, представленные в донесениях московских послов, обобщённые у Сыроечковского в «Мухаммед Герай». 'Абд аль-Гаффар. «Умдат аль-Таварих», С.195–196 помогает прояснить проблемы генеалогии. Реммал (Р.7b) сообщает нам кратко, что «Крымские беи (begs) были разделены на два лагеря во главе с Ислам Гераем и ханом соответственно. Следя друг за другом, они трижды вступали в столкновения»].

²⁵ This genealogy is based mainly on 'Abd al-Ghaffar, 'Umdat al-Tawārikh, pp. 195, 200. The genealogy arranged by Bennigsen et al, Le Khanat de Crimée, p. 3 19, is based on Muscovite sources. A letter published by Bennigsen et al, *ibid.*, p. 108 (E 6474), contains some data for making corrections in the table given here. The author of the letter (Bakhtiyar?) mentions as elder brothers Aghish Beg and Khudāy-Yār, and as younger brothers Evliya Mirza, Aydishke Mirza, Tokuzak Mirza, and Cihar-Yar Mirza. But the mirzas Djiban Giray, Baghirghan, and Caghirghan are mentioned separately, and they are not included among Bakhtiyar's brothers. Thus, according to this document, Toghurak or Tokuzak was not the son, but the brother of Bakhtiyār (Bennigsen et al., *ibid.*, p. 109, give Tokuzak, son of Aghish, Baghirghan, son of Evliyā, and Aydishke, son of Mamak; Aghish, karacu-beg in 1508, is another person). Bakhtiyār was bash-karacu between 1526 and 1531; cf. Syroekovskij, «Mухammed Girai», p. 59.

[Эта генеалогия, главным образом, основана на сочинении 'Абд аль-Гаффара «Умдат аль-Таварих», С. 195, 200. Генеалогия, составленная Беннигсен и др. (*Крымское ханство*, С. 319), основывается на московских источниках. Письмо, опубликованное Беннигсен и др. (*там же*, С. 108 (E6474), содержит некоторые данные для внесения исправлений в таблице, приводимой здесь. Автор письма (Bakhtiyar?) упоминает старших братьев Агыш бея и Кудай-Яра, а как младших братьев Эвлия мурзу, Айдышке Мурзу, Токузак Мурзу и Джихар-Яр Мурзу. Но мурзы Джибан Герай, Багырхан и Джагырхан упоминаются отдельно, и они не включены в число братьев Бахтияра (Bakhtiyar's brother). Таким образом, согласно этому документу, Toghurak или Tokuzak был не сыном, а братом Бахтияра (Bakhtiyār), (Беннигсен и др., *там же*, С. 109, представляет Токузака сыном Агыша, Багырхана сыном Эвлия и Айдышке сыном Мамака; Агыш был карачи беем в 1508 г., это другое лицо), Бахтияр был баш-карачи беем между 1526 и 1531 гг.; см. Сыроечковский «Мухаммед Гирай», С. 59].

²⁶ Seniority in succession appears to be a general rule among Turkish and Mongol pastoralist nomads; see Kräder, *Social Organization*, pp. 129–30, 149, 182, 194–97. For

ринов. Однако беи часто пытались обеспечить титулом своих сыновей. Также следует помнить, что более энергичные младшие братья, поддерживаемые нукерами, часто бросали вызов своим старшим братьям, претендуя на лидерство, поскольку личная доблесть имела куда большее функциональное значение для того военного общества. И было жизненно необходимо тогда следовать за лидером, способным наиболее эффективно сплотить и организовать разрозненные силы родового объединения для грабительских набегов.

Как отмечается в московских документах²⁷, среди тех, кто пытался утвердить власть Саадет Герая в Крыму, были, собственно, его брат Сахиб Герай, будущий хан, активно действовавший в Крыму до 1531 года, и ички-беи, или родовая знать, непосредственно состоявшая на службе у хана, включая Селимшу (Селимшах у Реммала и в документе Е 6474) и его брата (двоюродного брата) Тахилдая (у Реммала Тагилтай), которые, вероятно, принадлежали к роду Кыпчак.

В своей отчаянной борьбе против ханской группировки Ширины нашли лидера в лице Ислам Герая, сына Мехмед Герая I, который стремился при поддержке исключительно крымской родовой знати стать ханом, независимым от Стамбула. Объединившись вместе со значительной частью военных сил крымцев Ислам Герай наконец нанес Саадет Гераю сокрушительное поражение в решающей битве под Азаком (Азов)²⁸. Саадет Герай укрылся в Стамбуле. Компромисс, достигнутый, по-видимому, через карачу-бея и Османскую Порту, разрядил опасную ситуацию для обеих сторон.

В 1532 году султан назначил Сахиб Герая ханом Крыма²⁹, а Ислам Герая его калгой, и это решение было принято обеими сторонами. Однако, как следует из упомянутого выше документа Топкапы (Е 1308/3), бей из рода Ширинов вскоре не скрывал своего разочарования поведением Сахиб Гирая в Крыму, который пытался быть слишком независимым и напористым. Как и Саадет, Сахиб Герай ныне, пользуясь поддержкой Османской империи, пытался утвердить ханскую власть. Однако бей из рода Шири-

succession in khanship, however, a different concept became prevalent: see Inalcik, «Osmanlılarda Saltanat Verâseti» [Наследование по старшинству становится основным правилом у тюркских и монгольских степных кочевников; см. Krâder. Социальная организация, С. 129–130, 149, 182, 194–197. Что же касается наследования в ханстве, то здесь преобладал совершенно другой принцип: см. Иналджик «Принцип престолонаследования в Османской империи».

²⁷ Syroecckovskij, «Muxammed-Giraj», p. 59; cf. doc. E 2365 in Bennigsen et al., *Le Khanat de Crimée*, p. 128 [Сыроечковский. Мухаммед Герай. С. 59; см. док. E2365 у Беннигсена и др. «Крымское ханство», с. 128].

²⁸ Abd al-Ghaffâr, 'Umdat al-Tawârikh, p. 99; Rida, *Al-Sab' al-Sayyâr*, p. 89.

²⁹ The date in *Al-sab' al-Sayyâr*, p. 89, is Rabi 4 I, 939/October 1532.

нов, позиционировавший себя в качестве единственной реальной силы, способной гарантировать мир и статус-кво в Крыму, то есть то главное, о чем заботились османы, был полон решимости сохранить свою власть.

В своей борьбе против Ислам Герая и его сторонников Ширинов, Сахиб-Герай, похоже, опирался на взаимодействие могущественных ногайских племен в Крыму. Кроме того, ногаи, занимавшие степи за пределами Крыма, были полезны в качестве союзников против Ислам Герая, который оставался в районе перешейка Ор-Капу (Перекоп) и мог в случае нужды отступать в степи. Усиление влияния Мангытов-ногаев в крымской политике относится ко времени Менгли Герая³⁰.

Исследователь В.Е. Сыроечковский, используя донесения московских послов, подчеркивает влияние Мангытов, как важнейший фактор в крымской внутренней политике, во взаимоотношениях знатных родов, поскольку Ширины видели в этом угрозу своей ведущей позиции среди крымской знати³¹. В 1523 году Ширины были крайне недовольны Саадет Гераем, поскольку он выступил в защиту Мангыта-Ногая Тениша, или Тиниша мурзы, которого они обвиняли в том, что он был главным участником заговора

³⁰ Как оказалось, в тот период в течение некоторого времени Янкавут, глава Мангытов в Крыму, пользовался равным статусом с Ширинями (Syroecovskij, «Muxammed-Giraj», p. 32). В 1502 году, когда Менгли Герай завоевал Улуг-Орду (Великую Орду), и племена, составлявшие ее, были рассеяны, глава рода Мангытов, Азика (или Хаджике) укрылся у Ахмед Герая, сына Менгли, в Крыму, и, по всей видимости, со временем стал новым лидером среди крымских беев. В то время как часть Мангытов оставалась на реке Волге при Тевекеле, сыне Темира, Менгли переместил часть из них в степи за пределами Ор-Капу (там же, с. 33) в попытке превратить Крым в новый центр возрожденной Золотой Орды. Используя титул «Великий хан Великой Орды», крымский хан всегда претендовал на верховенство над всеми землями Золотой Орды. В этом плане сотрудничество ногаев было чрезвычайно необходимо.

³¹ Abd al-Ghaffar, 'Umdat al-Tawarikh, pp. 32–37. The important local evidence about Nogay-Manghits in this work, apparently drawn from Tāriḫ-i Dost Sultan, was not used by Syroecovskij or, more recently, by A. Bennigsen and C. Lemerquier-Quelleja, «La Grande Horde Nogay et le problème des communications entre l'Empire Ottoman et l'Asie Centrale en 1552–1556», Turcica 8, no. 2 (1976): 203–212. [Абд аль-Гаффар, `Умдат аль-Таварих. С. 32–37. Важное местное свидетельство относительно ногаев-мангытов (Nogay-Manghits) в этой работе, очевидно, взяты из Tāriḫ-i Dost Sultan, и не были использованы Сыроечковским или даже совсем недавно Беннигсеном и Лемерсье-Кельеже в работе «Великая Ногайская Орда и проблемы связи между Османской империей и Центральной Азией в 1552–1536 гг.». Turcica 8, № 2 (1976 г.). С.203–212].

в деле убийства Мехмеда Гирая I и во время вторжения ногаев в Крым³². Совместно с Ислам Гераем Сахиб Герай хан также оказывал поддержку лидерам Мангытов – Баки бею и его братьям Даве и Ак-Биби (которому он обещал свою дочь в жены).

Но после смерти Ислам Герая от рук Баки Сахиб Герай счел самого Баки наиболее опасной угрозой для своего правления в Крыму. Реммал в подробностях описывает борьбу хана против Баки бея³³. Племянник Сахиб Герая, выделявшийся среди крымской элиты своей личной храбростью и смелостью, Баки был самым опасным соперником хана, пока не был убит в 1542 году. В его длительной борьбе Баки бея всегда сопровождали верные нукеры, число которых, по сообщению Реммала, составляло около двухсот человек. В начале правления Сахиб Герая Баки покинул пределы Крыма и некоторое время провел среди ногаев, жил в степи вольной, т. н. *казацкой* жизнью, рядом с ним всегда были его нукеры. В конце концов Баки вернулся³⁴, неожиданно напал и убил Ислам Герая. На тот момент его свита

³² Syroecovskij, «Muxammed-Giraj», p. 58. [Сыроечковский. Мухаммед Герай. С. 28].

³³ Баки бей вел свое происхождение от знаменитого Эдиге или Эдике бея, прародителя ногайских племен, и сам был главой Мангытов или Манкытов, ветви ногаев. Баки был сыном Темира, Улуг бея или великого эмира Мангытов, которые, как и Ширины в Крыму, составляли самый могущественный род в Улуг-Орде. Матерью Баки была дочь Менгли Герай хана, сестра Сахиб Герай хана. С другой стороны, в 1485 году Менгли Герай женился на Нур-Султан, дочери Темира и вдовы Ибрагима, хана Казанского. В татарском кочевом обществе брачные узы играли решающую роль в формировании союзов и определении властных отношений. Такие связи с ханской семьей определяли привилегированное положение одного рода по отношению к другим, а также обеспечивали хану лояльную поддержку могущественного рода. Поскольку Менгли Герай браком с Нур-Султан планировал усилить свое влияние на племена Улуг-Орды на реке Волге, влияние мангытов в Крыму соответственно возрастало. Имели место также браки между ногаями и представителями рода Ширинов (см. Abd al Ghaffar, 'Umdat al-Tawârikh, стр. 81). О важности брачных уз для политических отношений в туркменских государствах см. Woods, The Aqquyunlu, p. 105

³⁴ Bennigsen et al., Le Khanat de Crimée, pp. 327–28, citing Smirnov's statement based on Al-Sab' al-Sayyār, thought that Islam Giray wandered about for some time in the land of «Qumuks». In Al-Sab' al-Savyār, p. 91, this information concerns only Bakī Beg. Remmal (P, 7a–7b) makes it clear that Bākī Beg, who was not welcomed by Islam Giray, went away and was employed by «the rulers of Persia and Khurasan» for some time.

[Беннигсен и др. «Крымское ханство», С. 327–328, цитируя утверждение Сыроечковского, основанное на Al-Sab' al-Sayyār, полагали, что Ислам Герай некоторое время скитался по землям «кумыков» («Qumuks»). У Al-Sab' al-Savyār, С. 91, эта информация касается только Баки бея (Bākī Beg). Реммал (P.7a–7b) уточняет,

насчитывала пятьсот-шестьсот всадников. По всей видимости, Баки объявил себя беем Мангытов, одного из карачу (основных) родов в Крыму, руководящая позиция в котором Сахиб Гераем была предоставлена Ходжа-Тай бею. Именно взаимодействие Баки с ногаями в степи создавало в его лице угрозу безопасности для хана.

Опасность вторжения ногаев в Крым воспринималась ханом настолько серьезно, что он вынужден был возвести крепость Фарах-Керман в Ор-Капу, чтобы защитить полуостров в период его отсутствия из-за участия в молдавской кампании 1538 года. Тем не менее, отряд из четырех или пяти-сот ногаев под командованием Аксака Али мурзы ночью неожиданно напал на армию Сахиба, когда те переправлялись через реку Озю (Днепр) по пути в Молдавию.

Позже, зимой 946 / 1539–1540 гг. Баки вместе со своим братом Дава мурзой разграбили армию крымцев, возвращаясь из набега на московские земли. Позже Сахиб Герай всеми силами убеждал Баки приехать в Крым и присоединиться к нему в кампании против Московии. Он пообещал Баки главенство среди Мангытов и даже командование объединенными вооруженными силами в Крыму, заявив при этом, что «никто не сможет добиться успеха в борьбе с разбоем в степях, имея лишь горстку казаков». В это время «Баки был вместе с казаками Азака, которые все до единого следовали за ним в его странствиях».

Когда же Баки в конце концов пришел и подчинился воле хана, он всегда был настороже и опасался возможного покушения на его жизнь со стороны Сахиба. Во время похода на Московию в 1541 году их взаимные подозрения стали причиной задержки при переходе реки Ока, что дало сопернику возможность организовать и заблокировать их переход. После возвращения в Крым Баки вместе со своими нукерами вскоре удалился в приднепровские степи, на этот раз под предлогом охоты.

Но никогда не оставлявший поиска любой возможности уничтожить своего врага, хан с небольшим войском, вооруженным пушками, и совместно с мушкетерами неожиданно напал и убил Баки.

Попытка бея Мангытов вытеснить и занять место бея Ширинов, как главы крымского объединения родов, по-видимому, была одной из основных причин беспорядков в Крыму в период 1523–1542 годов. Баки бей, истинный лидер Мангытов, решительно продолжал борьбу за господство. На самом деле Менгли Герай I, а также его сыновья Мехмед Герай I и Сахиб Герай I с осторожностью относились к признанию лидерства мангытских беев из-за их связей с ногаями в степях. Сахиб Герай, один из самых ярых

что Баки бей, к которому не особо был расположен Ислам Герай, ушел и некоторое время состоял на службе у «правителей Персии и Хорасана»].

сторонников идеи централизованного ханства в Крыму, в конце концов предпочел сотрудничать с Ширинами, а не с представлявшими угрозу Мангытами. После разгрома Баки бея Сахиб Герай смог установить свою абсолютную власть в ханстве, поскольку Ширины сохраняли главенствующее положение в родовом объединении. Баба, ширинский бей при Сахиб Герее, всегда всецело оказывал хану поддержку в его борьбе с Баки беем и, как подчеркивает Реммал, был предан ему во всех его военных кампаниях. Последнее крупное столкновение ногаев и Сахиб Герая произошло в 1546 или 1547 годах, когда они попытались отомстить хану за захват Астрахани в 1546 году. Их поражение, которое в истории Крыма упоминается как «*Nogay kirgini*» или «Разгром ногаев», обеспечили пушки и мушкеты хана. Реммал сообщает нам, что внезапный прицельный огонь из мушкетов и пушек потряс ногаев и вынудил их пуститься врассыпную, обеспечив тем самым полную победу хана.

Попытка Сахиба Герая централизовать власть (по османской модели)

В то время как противоборствующие силы в Крыму пытались использовать османов в своих целях, османское правительство, в свою очередь, использовало их соперничество для достижения своих политических целей. Эти цели заключались в следующем:

- (1) иметь на крымском троне вассального правителя из династии Гереев, который был бы полностью предан Османской империи;
- (2) использовать войска крымцев в качестве вспомогательных сил в османских экспедициях в Молдавию, Венгрию или Иран;
- (3) предотвратить превращение ханства в источник угрозы османским владениям в Крыму. Османское правительство было обеспокоено тем, что, присоединив наследие Золотой Орды в Поволжье и объединившись с ногаями в степях, крымский хан может сформировать империю, способную стать их соперником на севере.

В период между 1475 и 1484 годами османам удалось установить свой контроль над Крымским ханством, главным образом, благодаря сотрудничеству с Эминек беем (Иминек бек), главой крымской родовой знати. Сам Эминек использовал свои тесные отношения с османским султаном для избрания на крымский престол того, кого он считал наиболее подходящим для интересов родовой знати. В 1524 году по просьбе Ширинов, сотрудничавших с султаном, Саадет Герай стал ханом. Как своему сюзерену, султан даровал ему не только традиционные символы власти – грамота

*шур*³⁵), штандарт и барабан – но и мощный, снабженный огнестрельным оружием контингент османских войск. После назначения Сахиб Герай также получил сильный эскорт из профессиональных воинов *капу-кулу* и артиллерию, способную поддерживать его власть.

В наших источниках приводятся разные цифры по численности османского эскорта *капу-кулу*, который находился в Крыму и принимал участие в ханских походах. Реммал, как очевидец тех событий, приводит следующие цифры:

янычары – в 1532 году 600 чел.; но в молдавском и втором черкесском походах только 300 (янычары были вооружены мушкетами и саблями);

артиллерия (*зарбузан* или *дарбузан*, маленькие пушки) – 40 единиц во время второго черкесского похода и в походе против ногаев в 1543 году; 60 пушечных повозок во время похода на Московию в 1541 году и на Астрахань (Хаджи-Тархан) в 1546 году;

тюфенкджи или мушкетеры – более 1000 человек во время молдавских и московских кампаний, а также во время походов в Черкесию в 1543 году и Астрахань (Реммал выделяет три отдельные группы мушкетеров: *тюфенкджи-куллар*, янычары и *тат тюфенкджи*. Последних формировали из представителей смешанного населения Южного Крыма, известного как *Tat-ili*);

арбы или возы – 200 единиц во время молдавской кампании (по одной на пятерых мушкетеров).

Вооруженная охрана, выделенная Девлет Гераю в 1551 году на момент его назначения ханом Крыма, имела следующий состав: 300 янычар, 300 *куль-кариндаши* (новобранцы, не входящие в состав отрядов янычар) и 400 *атлы-улюфели куль* (кавалеристы, состоявшие на содержании у султана), 60 малых пушек (*zarbuzan*) и арсенал боеприпасов и военного снаряжения, предназначенного для подобного рода войск и численности, а также средства для выплаты им жалованья. Войска, ранее выделенные для свиты Сахиб Герая, по всей вероятности были такими же. Реммал обычно называет общее число мушкетеров в кампаниях в 1000 человек. Он сообщил, что Сахиб Герай активно вербовал наемных мушкетеров (*улюфели тюфенкджи*) из числа местного населения Крыма, что находит подтверждение в документе Топкапы (E 1308/3 in Bennigsen, p. 122).

Османские войска под командованием наместников Азака и Каффы выступали подкреплением ханской армии только тогда, когда султан приказывал им вмешаться, например, во время битвы Саадет Герая против за-

³⁵ Меншур – это выдаваемые султаном специальные сертификаты для назначения высокопоставленных чиновников, таких как визирь и бейлер (беи) в Османской империи.

нимавшего антиосманскую позицию Ислам Герая в 1532 году. Тем не менее бей Каффы всегда оказывал содействие хану в его походах против черкесов, предоставляя ему корабли для перевозки войск.

Военная поддержка, оказываемая османами, сыграла решающую роль для ханства не только во внутренней борьбе за власть, как противовес традиционным крымским объединенным силам, но и в качестве основной составляющей ханской армии в походах. При Сахиб Герае использование сил капу-кулу с мушкетами и пушками изменило традиционную тактику крымцев.

Представленные Реммалом особенности военной тактики, используемой Сахиб Гераем в его походах, отчетливо демонстрируют, что они [силы капу-кулу – *ред.*] были решающим фактором в военных успехах хана и на них всегда полагались в критические моменты. Во всех его успешных черкесских кампаниях Сахиб Гераю удавалось проникнуть в гористую страну и преследовать черкесов, задействовав небольшой отряд мушкетеров с пушками. В 1546 году он осадил и с легкостью взял Астрахань в атаке, поддержанной одновременным огнем из 1000 мушкетов и 40 пушек. В своем походе на Московию в 1541 году он планировал перейти реку Оку, прикрывшись огнем своих пушек и мушкетов. Помимо массированного огня Сахиб Герай применил свою артиллерию и мушкеты, выстроив их строем по типу вагенбург, используемому гуситами, венграми и османами, то есть согласно древней тюрко-монгольской тактике укрепленного по кругу лагеря, состоящего из плотно примыкающих друг к другу повозок, известного как *курень* (*küren* или *küriyan, güriyen*)³⁶. Реммал дал подробное описание

³⁶ See B.Ja. Vladimircov, *Obscestvennyj stroj Mongolov* (Leningrad, 1934), p. 37; Turkish translation, *Mogollann içtimai Teskilâti*, by Abdülkadir İnan (Ankara, 1944); J. Németh, «Neuere Untersuchungen über das Wort Tabor-Lager», *Acta Linguistica*, 3, nos. 3/4 (1953):431–46; Collins, «Military Organization», pp. 273–74. About the fortifications with wagons used by the Pecenegs, see O. Pritsak, «The Pecenegs: A Case of Social and Economic Change», *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 1 (1975): 19; H. Inalcik, «The Socio-Political Effects of the Diffusion of Fire-arms in the Middle East», in *War, Technology, and Society in the Middle East*, ed. by V.J. Parry and M. E. Yapp (London, 1975), pp. 197–217; Woods, *The Aqquvunlu*, pp. 131, 134, 175 [См. Владимирцев Б.Я. *Общественный строй монголов* (Ленинград, 1934 г.), С. 37; перевод на турецкий, «Социальная организация монголов», выполнен Абдулкадир Инан (Анкара, 1944 г.); Дж. Немет «Недавние исследования слова лагерь-табор». *Акта Лингвистика*, 3, № 3/4, 1953, с. 431–446; Коллинз «Военная организация», с. 273–274. О фортификационных сооружениях из повозок, которые использовались у печенегов см. Притцак О. «Печенеги: обстоятельства экономических и социальных изменений», Иналджик Х. «Социально-политические последствия распространения огнестрельного оружия на Ближнем Востоке» в сборнике «*Война, технология и обще-*

того, как готовился новый *курень* Сахиб Герая. Во время своего последнего черкесского похода 1551 года он приказал, чтобы каждый солдат изготовил заостренный кол. Затем вокруг рва возвели ограду из этих кольев, расположенных в три ряда с торчащими наружу остриями. За ограждением он разместил мушкеты и пушку. Реммал добавил, что курень был настолько мощным, что даже 100-тысячная армия не смогла бы его захватить. Это была тактика, которой османы были обязаны своими крупными победами над своими соперниками в Иране и Египте. Теперь Сахиб Герай успешно использовал ее против ногаев и черкесов.

Когда армия располагалась лагерем в поле, силы капу-кулу были развернуты следующим образом: первое кольцо вокруг ханского шатра состояло из примыкающих друг к другу повозок с артиллерией и арсеналом, второй круг составляли янычары, третий – придворные сановники (*ички беи*), и последними, согласно рангу, шли карачу-беи (*карачу улу беи*). Эта расстановка сил точно соответствовала той, которая использовалась османскими султанами в своих кампаниях. Во время маршей артиллерийские повозки шли с тыла армии, за возами с казной и ценностями, и защищались с каждой стороны солдатами с мушкетами (*тюфенкджи куллар*). Янычары находились подле хана под знаменем, увенчанным золотым шаром, которое султан вручил Сахиб Гераю при его назначении ханом, что символизировало делегированную ему власть и полномочия. Иногда, как это происходило во время опасного перехода степей при возвращении из молдавского похода, вооруженные мушкетами янычары использовались для патрулирования вокруг основного войска. Использование Сахиб Гераем дивизий, оснащенных пушками и мушкетами, несомненно было новшеством, имевшим огромное значение для ханства. Тем не менее, опорой крымской армии оставалась объединенная конница.

Необыкновенные преимущества, которые давало хану огнестрельное оружие в преодолении своих внутренних и внешних врагов, безусловно упрочили его образ как правителя. На протяжении всего повествования Реммал особо подчеркивает, что Сахиб Герай сознательно стремился установить свою абсолютную власть в стране над родовой знатью в соответствии с моделью османского *падишаха*.

Описывая случай во время молдавского похода, когда хан приказал объединенным силам родов не совершать набегов с добычей, Реммал сообщает: «Никто не мог осмелиться с риском для жизни ослушаться его приказа или ступить хоть шаг впереди хана. Он был столь грозным и непреклонным падишахом. Одним словом, все они оказались бессильны под

ство на Ближнем Востоке», изд. Пэрри В.Дж. и Япп М.И., Лондон, 1975 г., с. 197–217; Вудс, Аккувунлу. С. 131, 134, 175].

его твердой рукой». В некоторых местах Реммал называет Сахиб Герая падишахом, подчеркивая этим титулом, относящимся к османским султанам, его величие. В соответствии с концепцией падишаха в персидской теории царствования, он далее трактовал власть хана как представляющую «тень Бога на земле» или, говоря мистическими терминами, «обладающую святейшими полномочиями», «столп, проявляющий божественную власть», «непогрешимый правитель среди людей» и так далее.

Однажды Реммалу было поручено доставить обоз с 800000 акче, которые должны были быть распределены среди крымских улемов. Он отмечал, что «те, кто видел повозку с деньгами, держались на расстоянии. Посмотрите, как крепко хан утвердил свою власть в стране». Приказы сопровождались устрашением казнью. Во время угрозы ногайского вторжения в Крым хан заявил защитникам Ор-Капу, что казнит не только дезертиров, но и целые роды, включая детей и родственников. Замечания Реммала по поводу заботы хана о защите *реая*, или обычных налогоплательщиков, от несправедливостей, совершаемых беями, заслуживают внимания. Реммал сообщал, что хан запретил беям и их нукерам отправляться для сбора податей с *реая* и призвал их добывать средства к существованию исключительно за счет добычи от набегов. С другой стороны, он назначил фиксированное ежемесячное жалованье своим нукерам, то есть дворцовому персоналу и своей личной свите.

Улемы составляли вторую наиболее влиятельную группу в среде крымской элиты. Сахиб Герай стремился заручиться их поддержкой, проявляя к ним великодушие и уважение, как к группе, поддерживающей его централистскую политику. Улемы входили в состав государственного совета Крыма и созывались для утверждения решений, принимаемых ханом по согласованию с беями. Реммал подчеркивал, что хан благоволил к улемам и заботился о строгом соблюдении норм исламского права. В дополнение к своему официальному жалованью из казны улемы получали долю добычи по завершении каждого похода. Наш источник также сообщает, что Сахиб Герай через день встречался с улемами, шейхами, улу беями, своими нукерами (или *ишик чораларами*) и придворными дамами для обсуждения их обращений и по другим вопросам. По пятницам, после полуденных молитв, он созывал государственный совет и заслушивал просьбы и жалобы простых людей – практика, типичная для всех ближневосточных государств, следующих персидской традиции. Таким образом, канцелярская практика Сахиб Герая и ведение государственных дел соответствовали тем, что он видел в османской столице.

Некоторые из реформ и нововведений, которые Сахиб Герай внес в администрацию Крыма, были направлены на создание прочной казны с обширными регулярными источниками доходов – предпосылки для цен-

трализованного правительства. Помимо государственной казны, пополнявшейся за счет регулярных государственных и исламских налогов и сборов, а также от ежегодной дани, взимаемой с соседей – Московии, Литвы-Польши, Молдавии и черкесского правителя Кансавука – Сахиб Герай, по видимому, сумел накопить огромное личное состояние из рабов, лошадей, крупного рогатого скота, овец, драгоценностей и мехов. Согласно Реммалу, на момент смерти хан владел 3000 трудоспособных рабов, 10000 лошадей, 36000 овец и 5000–6000 голов крупного рогатого скота. Хан забирал свою долю добычи (*савга*), особенно рабов и скот, на переправах через реки, когда его армия возвращалась из похода. Реммал сообщил, что из 50000 рабов, захваченных во время второй черкесской кампании 1543 года, доля хана составляла 2000.

Когда крымская армия возвратилась из похода с большим количеством рабов, местным купцам было разослано уведомление, и, как выразился Реммал, «хлынул огромный поток сделок»³⁷. Состояние и власть родовой знати также зависели от числа рабов и скота. Рабов продавали на невольничьем рынке или использовали для обработки обширных земель, выделенных ханом в качестве вотчин беям³⁸. Огромные табуны лошадей, принадлежавшие родам, паслись на территории между Днепром, Перекопским перешейком и Черным морем. Эта область была чрезвычайно важна для крымской знати, о чем позже указывалось в письме Гази Герай хана королю Польши³⁹. Хан сетует, что «казаки захватывают и угоняют стада крупного рогатого скота и лошадей на реке Днепр и вынуждают татар оставлять

³⁷ О важности работорговли в экономике Крыма см.: Halil Inalcik «Servile Labor in the Ottoman Empire», to be published in Mutual Effects of the Islamic and the Judeo-Christian Worlds [Халиль Иналджик «Рабский труд в Османской империи», опубликовано в журнале «Взаимовлияние исламского и иудео-христианского миров»].

³⁸ Syroecovskij, «Muxammed Giraj», pp. 9–14; Bronievski as translated by Ortayli, Kirim, pp. 12, 28; Evliyā Celebi, Seyahatname, vol. 7 (Istanbul, 1928), pp. 511, 601 [Сыроечковский «Мухаммед Герай», с. 9–14; Броневский в переводе Ортайлы, Кырым (Kirim), с. 12, 28; Эвлия Челеби «Путешествие», т. 7 (Стамбул, 1928 г.), с. 511, 601].

³⁹ Zernov and Feydhan, Materials, doc. 4, pp. 9–12, date Djumāda I, 1000/ 14 February – 14 March 1592 [Он предупредил короля, что первым условием мира с Польшей является изгнание казаков с Днепра. Bronievski, переведенный Ортайлы *Кырым*, на стр. 11 (русский перевод, стр. 38) указывает, как татары в степях между Днепром и Ор-Капу боялись казаков-христиан и уходили в места зимовий со своими стадами и семьями после сбора урожая. Выращивание пшеницы для экспорта в османские города было важным видом экономической деятельности степных татар в XVI веке. См. Халиль Иналджик ссылается на свою книгу «Таможенный регистр Каффы».

свои обычные летние и зимние пастбища в этой области». Однако во времена Сахиб Герая на этой пастбищной территории крымских татар преобладала ногайская угроза. Однажды возникли опасения, что Баки и ногаи могут угнать от 40000 до 50000 лошадей. Реммал сообщает нам, что для того, чтобы защитить свои стада, татары выставили там круглогодичную охрану.

Как и его предшественники Менгли Герай I и Мехмед Герай I, Сахиб Герай был крайне обеспокоен безопасностью караванных путей из Казани, Средней Азии (через Астрахань) и Ирана⁴⁰. Согласно Реммалу, Сахиб Герай организовал походы на Астрахань в 1546 году и против черкесов в 1551 году на основании того, что караваны, направлявшиеся в Крым, подверглись нападению и разграблению. Реммал отмечал, что в 1546 году караван из Казани перевозил товары на сумму более 100000 флоринов (золотых монет), что свидетельствует о важности этой торговли. В 1551 году караван персидских паломников, возвращавшихся из Мекки, выступил из Каффы, миновал Азак и, переходя степи к северу от Кавказа, подвергся нападению черкесов. Хан пообещал иранцам, что он вернет украденные товары или возместит понесенные убытки из своей казны⁴¹.

Реммал описывает, как Сахиб Герай восстановил против себя крымскую знать своим суровым и деспотическим обращением с ними, особенно во время последней черкесской кампании перед его крахом в 1551 году. Им никогда не нравился авторитарный стиль управления Сахиба и его полная зависимость от мушкетеров и янычар. Наконец, у них появился шанс свергнуть хана, когда покровитель Сахиба, султан, выступил против него. Реммал поясняет, что после взятия Астрахани в 1546 году и победы над ногаями хан отказался послать дополнительные силы на помощь султану в его походе на Иран. Согласно Реммалу, паши в Порте обвинили Сахиба: «У хана теперь слишком сильная армия и он стал чересчур амбициозным. Он думает, что он лучше вас во всех отношениях. Доказательством тому является то, что теперь он осмеливается послушаться ваших приказов и найти отговорки, чтобы не отправлять подкрепление. Он считает, что, когда вы упокоитесь с миром, он овладеет всеми османскими территориями в Крыму. Он не выказывает ни малейшего уважения к послам, прибывшим из Порты. Если он объединит свои силы с ногаями, ему не будет равных, и никто не сможет ему противостать».

⁴⁰ Bennigsen and Lemerrier-Quellejeay, «La Grande Horde Nogay», pp. 203–236 [Беннигсен и Лемерсье-Кельеже «Великая ногайская орда», с. 203–236].

⁴¹ О таможенных и рыночных сборах в Крымском ханстве см. the *yarligh* of Sahib Giray I, опубликованный и проанализированный рядом специалистов. Библиографию этих исследований см. в J. Pelenski, *Russia and Kazan* (Россия и Казань), (The Hague and Paris, 1974), p. 14, сл. 9 и с. 59–60.

Угроза власти османов в Каффе в лице хана и споры по поводу правовой принадлежности земель в непосредственной близости от города приводились как признаки его чрезмерной амбициозности. Как лицо приближенное к хану, Реммал уверяет нас, что он не вынашивал подобных планов. У Сахиба действительно были планы на Казань и Астрахань, однако: в этом вопросе, как и прежде, во время правления Мехмеда Герая I, интересы османов и московитов совпадали.

В 1546 году московский ставленник в Казани Шах-Али сверг Шафа Герая. Сахиб Герай в ответ на это захватил Астрахань и восстановил последнего на ханство в Казани⁴². Реммал сообщал, что после смерти Шафа Герая в марте 1549 года в Крым прибыли послы из Казани. Сообщив Сахиб Герая о своем сопротивлении московскому войску (очевидно, имея в виду поход Ивана IV на Казань в 1549–1550 гг.), послы попросили его о помощи и назначении Букая Герая, сына Шафа, ханом Казани. Но у Сахиб Герая был другой план: он попросил османского султана назначить Девлет Герая, находившегося тогда в Стамбуле, ханом Казани. Османская Порта, которая была больше озабочена крымским вопросом, использовала эту возможность, чтобы заменить Сахиба на крымском троне Девлет Гераем, а затем сформировать общий фронт Крымского, Казанского и Астраханского ханств и ногаев против Московии⁴³.

⁴² В первые годы своего ханства Сахиб Герай считал Шафа Герая угрозой своему правлению в Крыму; см. док. E5434 в Bennigsen et al., *Le Khanat de Crimée*, p. 124. Это письмо было отправлено Сахиб Гераем Сулейману I.

⁴³ Первый османский посланник прибыл к Исмаилу, *бею* Великих Ногаев, весной 1551 года. Но уже в 1449 году османы, по-видимому, по совету Сахиб Герая, пытались заманить ногаев в османский союз: см. Chantal Lemercier-Quelquejau, Alexandre Bennigsen, «La Grande Horde Nogay», pp. 213–218; Тогда ногайские лидеры пытались закупить пушки и мушкеты в Московии или у османов (там же, с. 215, 220). Беннигсен и Лемерсье-Келькеже (с. 211) пытаются показать, что до середины шестнадцатого века «Османы-турки не создавали политических условий для Нижней Волги и игнорировали влияние ногаев». Но я бы предложил другую хронологию. Османы были обеспокоены политическим развитием региона, поскольку подчинение Крымского ханства в 1475 году предупредило их об изменениях, влияющих на их положение в Крыму. То, что это беспокойство не приводило к прямому вмешательству до середины XVI века, было связано с учитыванием Османской Портой пожеланий крымских ханов оставаться независимыми в своей политике по отношению к своим северным соседям. Похоже, что сами крымцы, осознавая острую необходимость османской поддержки в их борьбе с Московией за Казань, предпочли напрямую вовлечь османов в борьбу. В любом случае, политика Османской империи в отношении Казанского и Астраханского ханств или Московии должна рассматриваться в рамках общей османской политики на севере, которая в значительной степени определялась условиями в Крыму.

В Стамбуле султан якобы назначил Девлет Герая ханом Казани. Создав видимость, что едет в Казань, Девлет Герай отправился в Аккерман и дожидался там, пока Сахиб Герай пройдет через Таманский полуостров в своем походе против черкесов. Реммал высказывает предположение, что Сахиб Герай подозревал о заговоре и перед тем, как покинуть свою столицу, он разместил армию численностью от 15 до 20 тысяч человек на Перекопском перешейке под командованием калги – его сына Эмина Герая. Источники в разведке Девлет Герая сообщили ему, что размещенные там силы на самом деле предназначались для его устранения и что Сахиб намеревался сделать своих сыновей ханами Казани и Астрахани. Сахиб Герай забрал с собой большую часть объединенного войска в Черкессию, но они были весьма несговорчивы во время всего похода, и его реакция на это была крайне жесткой.

Силы, которые Сахиб Герай разместил на перешейке, оставили Эмина Герая и примкнули к Девлет Гераю, как только он захватил столицу. Точно так же войска Сахиб Герая покинули его, когда они прибыли в Тамань. Во дворце малолетние сыновья и внуки Сахиба были убиты беями. Последней надеждой Сахиб Герая было поехать в Стамбул и убедить султана в своей лояльности. Но, прежде чем он смог отбыть, янычары и артиллерия также оставили его в Тамани, что позволило Бёлек Гераю, сыну Шафа, освобожденному из тюрьмы Девлет Гераем, найти и убить его. Реммал добавил, что, как только его положение на троне укрепилось, Девлет Герай казнил семерых беев из рода Ширинов, чтобы отомстить за кровь Сахиб Герая и его сыновей. Действие было продиктовано правилами кровной мести тюрко-монгольского скотоводческого общества.

Внимательно следивший за развитием событий, Иван IV ловко использовал крымский кризис, чтобы во второй раз навязать своего союзника Шах-Али на казанский трон в 1551 году.

Затем, в марте 1552 года, он попытался, правда, безуспешно, посадить в Казани московского наместника. Весной того же года армия крымцев под командованием Девлет Герая I выступила на Москву; он потерпел поражение у крепости Тула 22 июня 1552 года. Царь, покинувший свою столицу пятью днями ранее, собирался вторгнуться в Казань. 2 октября 1552 года московское войско с артиллерийским корпусом, насчитывающим около 150 орудий под руководством специалистов с Запада, захватило Казань. Такой поворот событий, несомненно, стал неожиданностью для османов⁴⁴.

⁴⁴ About the fall of Kazan, see Hadi Atlasi, *Kazan Hanlighi* (Kazan, 1920), pp. 134–154; E. Keenan, «Muscovy and Kazan, 1445–1552: A Study in Steppe Politics» (Ph.D. diss., Harvard University, 1965); idem, «Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks», pp. 548–58; Pelenski, *Russia and Kazan*; D. C. Matuszewski, «Peresvetov and the Ottoman Empire» (Ph.D. diss., Columbia University, 1972). For the Ottoman and

Сведения об авторе: **Халил Иналджик** (1916–2016) – ведущий турецкий историк-османист крымскотатарского происхождения. Родился в Стамбуле. Высшее образование получил в университете Анкары. По окончании докторантуры, в 1952 году приступил к работе в том же университете на должности профессора. После выхода на пенсию в 1972 году был приглашён в университет Чикаго на отделении истории, где проводил семинары по истории Османской империи. В 1992 году был привлечён к организации отделения истории в университете Билькента. Является автором огромного ряда научных трудов по истории Османской империи и Крымского ханства. В 1973 году вышла его работа «The Ottoman Empire: The Classical Age (1300–1600)» («Османская империя: Классический век (1300–1600)», которая была переведена на все балканские языки, арабский и украинский. Труд был принят как классическая работа по истории Османской Империи.

Сведения об авторах перевода: Наматов Мирлан Аманович – профессор, PhD (история), тюрколог и иранист, иностранный член-корреспондент Академии наук, надписей и изящной словесности Тулузы (Франция), член-корреспондент Академии наук, словесности и искусства Туниса, Ассоциированный член Португальской Академии Мореплавания (отделение истории), приглашённый исследователь научного проекта с профессором Маратом Алымкуловым в Международном университете Кыргызстана (720001, ул. Турусбекова, 89, Бишкек, Киргизская Республика); namatov@mail.ru

Сейтхалилова Лейля Сейтхалиловна – лаборант-исследователь Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); lilya_crimea@mail.ru

Crimean policies toward Russia after 1552, see H. Inalcik, «The Origin of the Ottoman-Russian Rivalry and the Don-Volga Canal (1569)», *Annales de l'Université d'Ankara* 1 (1947): 47–110; and Bennigsen and Lemerrier-Quelquejay, «La Grande Horde Nogay», p. 222. Unfortunately, I was not able to consult B.F. Manz, «The Clans of the Crimean Khanate, 1466–1532», *Harvard Ukrainian Studies* 2, no. 3 (September 1978): 282–309, which appeared after the completion of this article.

[О падении Казани см. Nadi Atlasi, *Kazan Hanligi* (Казанское ханство), (Казань, 1920 г.). С. 134–154; Keenan E. «Московия и Казань, 1445–1552: исследования степной политики». Диссертация на соискание учёной степени кандидата наук. Университет Гарварда, 1965 г.); он же, «Московия и Казань: Некоторые вводные замечания», с. 548–558; Пеленский «Россия и Казань»; Матушевский Д.К. «Пересветов и Османская империя» (кандидатская дис., Колумбийский университет, 1972 г.). Об османской и крымской политике по отношению к России после 1552 г. см. Иналджик Х. «Об истоках османско-русского соперничества и Волго-Донском канале (1569 г.)» в «Записках университета Анкары», 1, 1947 г., с. 47–110; и Беннигсен и Лемерсье-Кельеже «Великая ногайская орда», с. 222. К сожалению, я не успел обратиться к работе В.Ф. Ман «Кланы Крымского ханства (1466–1532)» в сборнике «Гарвардско-украинские штудии», 2, № 3 (Сентябрь 1978 г.), с. 282–309, которая вышла уже после завершения этой статьи].

The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I

Halil Inalcik

Annotation. The article is a translation from English of the work of the famous Turkish Historian-Ottomanist Halil Inalcik, dedicated to the socio-political aspects of the relationship between the khan and the tribal aristocracy and building the vertical of the power in the Crimean Khanate during the reign of Sahib Giray I. On the basis of an extensive complex of sources, the author carried out a detailed analysis of the features of the internal struggle for power in the Crimean Khanate, the degree of involvement and of the Ottoman Empire on the one hand, and Muscovy on the other, as well as the role of the tribal aristocracy in the military-political life of the khanate.

Keywords: Remmal, Crimean Khanate, Sahib Giray I, beys, karachu, Ottoman Empire, nukers, Islam Giray, hierarchical structure, tribal nobility.

For citation: Halil Inalcik. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I. Trans. from English Namatov M., Seytkhalilova L. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2022, vol. 9, no. 2, pp. 10–39. DOI: 10.22378/kio.2022.2.10-39 (In Russian)

About the author: Halil Inalcik (1916–2016) is a leading Turkish Historian Ottomanist of the Crimean Tatar origin. He was born in Istanbul and received his higher education in Ankara. After completing his doctoral studies in 1952 he began to work at the same university. After retiring in 1972, he was invited to the University of Chicago, where he taught seminars on the history of the Ottoman Empire. In 1992 he was involved in the organization of the Department of History at Bilkent University. He is the author of the large number of scientific works on the history of the Ottoman Empire and the Crimean Khanate, In 1973, his work “The Ottoman Empire: The Classical Age (1300–1600)” came out, which was translated into all Balkan languages, Arabic and Ukrainian. The work was accepted as a classical work on the history of the Ottoman Empire.

About the translators: Mirlan A. Namatov – Professor, PhD (History) on the Middle East Studies, Foreign Correspondent Member of the Academy of Sciences, Inscriptions and Literature of Toulouse (France), Corresponding Member of the Academy of Sciences, Literature and Arts of Tunisia, Associate Member of the Portuguese Academia de Marinha (Department of History), Visiting researcher of a scientific project by Professor Marat Alymkulov at the International University of Kyrgyzstan (720001, Turusbekov Str., 89, Bishkek, Kyrgyzstan); namatov@mail.ru

Leylya S. Seitkhalilova – laboratory assistant of the Crimean Scientific Center of Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (420111, Baturin Str., 7A, Kazan, Russian Federation); lilya_crimea@mail.ru